ряжѣ при этомъ извѣстіи!Въ ред. по теле-

И. Демидовъ.

300-лѣтіе со дня смерти Кеплера

15 ноября 1630 г. въ гор. Регенсбургѣ умеръ Іоганнъ Кеплеръ, одинъ изъ величайшихъ астрономовъ всѣхъ вѣковъ и народовъ, основатель современной теоретической астрономіи. Трехсотлѣтіе со дня его смерти будетъ ознаменовано открытіемъ Кеплеровской обсерваторіи на Зонненбергѣ близъ Висбадена. Кромѣ того, цѣлый рядъ германскихъ ученыхъ организацій, во главѣ съ Обществомъ имени Кеплера, заняты организаціей чествованія памяти великаго ученаго. Первыя торжественныя собранія состоятся уже 24 и 25 сентября въ Регенсбургѣ.

Кеплеръ родился въ 1571 г. въ Вюртембергѣ, отъ бѣдныхъ родителей. Рано потерявъ отца, онъ съ дѣтства вынужденъ былъ зарабатывать на пропитаніе и нѣсколько лѣтъ былъ слугою въ трактирѣ. Къ счастью, выдающіяся способности юноши обратили на себя вниманіе знаменитаго математика и астронома Мастлина, съ помощью котораго онъ попалъ въ тюбингенскій университетъ, гдѣ всецѣло погрузился въ науку. Въ 1594 году Кеплеръ былъ уже профессоромъ въ Грацѣ. Первое его сочиненіе, въ которомъ онъ защищалъ систему Коперника, обратило на себя вниманіе ученыхъ всего міра, а черезъ нѣсколько лѣтъ знаменитый Тихо де Браге выписалъ его въ Прагу. Годы проведенные въ этомъ городѣ, были самыми счастливыми въ жизни Кеплера.

Назначенный императорскимъ математикомъ при обсерваторіи съ опредѣленнымъ жалованьемъ, онъ могъ, наконецъ, безраздѣльно посвятить себя наукѣ, не тратя времени на составленіе календарей и гороскоповъ, занятіе, которымъ онъ пополнялъ свой болѣе чѣмъ скромный бюджетъ. Въ Прагѣ онъ написалъ нѣсколько блестящихъ трудовъ; тутъ же, разбирая систематическія наблюденія Тихо, онъ открылъ первые два изъ своихъ безсмертныхъ законовъ движенія планетъ вокругъ солнца. Но относительное счастье длилось недолго. Религіозныя преслѣдованія — Кеплеръ былъ ревностнымъ протестантомъ — и политическія смуты тридцатилѣтней войны заставили его покинуть Прагу. Послѣдніе годы жизни онъ провелъ въ непрерывныхъ разъѣздахъ, въ поискахъ заработка и хотя бы относительнаго покоя. Нужда, заботы о насущномъ хлѣбѣ, горе, вызванное процессомъ его матери, обвинявшейся въ колдовствѣ, все это быстро подточило силы Кеплера. Онъ умеръ въ 1630 г. въ Регенсбургѣ, гдѣ и былъ похороненъ. На могильномъ памятникѣ его сдѣлана надпись на латинскомъ языкѣ — эпитафія, составленная имъ самимъ. Она гласитъ: «Прежде я измѣрялъ небеса, теперь мѣряю подземный мракъ; умъ мой былъ даромъ неба — а тѣло, преобразившись въ тѣнь, покоится здѣсь».

Болѣзнь и соціал. страхованіе

Страхованіе отъ болѣзней скоро начнетъ дѣйствовать и перейдетъ въ область реальныхъ достиженій. **Institut de Radiologie et Electrotherapie de Paris, 52, r. de Bondy** доводитъ до свѣдѣнія г. г. врачей и больныхъ, что онъ остается всецѣло къ ихъ услугамъ и что они могутъ обращаться къ нему во всѣхъ сложныхъ случаяхъ,и специально по вопросамъ, касающимся борьбы съ ракомъ и профилактики венерическихъ заболѣваній. (См. объявленіе на посл. стран.).

«Дни»

Вышелъ и поступилъ въ продажу ном. 107 (21 сентября) журнала "Дни". Содержаніе:

А. Керенскій: Необходимо вмѣшательство; Германскіе выборы. **А. Потресовъ:** Каутскій о большевистской контръ - революціи (по поводу его книги "Большевизмъ въ тупикѣ"). **А. Петрищевъ:** Какъ живутъ партійцы? (По разсказамъ сбѣжавшаго коммуниста). **Другъ:** Шумаки и гепеоды (письмо кіевлянина). **Изъ Россіи пишутъ:** 1) Разговоры о сумасшествіи Сталина (отрывокъ письма изъ Москвы); 2) Движенцы; 3) Послѣ упраздненія округовъ; 4) Подъ властью бригадировъ (письмо стараго рабочаго).**Путешествіе Баку — Столбцы. Современникъ:** Диктатура Пилсудскаго. **Призывъ Р.А. Абрамовича. Иностранная хроника:** Каутскій о германскихъ выборахъ; Еще о роли коммунизма въ Европѣ; Дискуссія о пропорціональномъ представительствѣ: Соціалистическій Интернаціоналъ противъ Пилсудскаго.

Какъ работаютъ кооператоры

«Раб. Газета» перехватила письмо, отправленное изъ провинціи съ Магнитостроя членомъ правленія мѣстной рабочей кооперации, въ адресъ инструктора центросоюза въ Москвѣ.

«Въ магазинахъ пусто — пишетъ кооператоръ съ Магнитостроя, — послѣднее время торгуемъ однимъ центросоюзовскимъ толокномъ. Промтоваровъ на складахъ никакихъ: нѣтъ галантереи, нѣтъ парфюмеріи. Сельско - хозяйственный секторъ безъ головы, рукъ и ногъ. Онъ существуетъ пока на бумагѣ. Нѣтъ агронома, нѣтъ свиновода, нѣтъ никого. Въ теченіе трехъ недѣль рабочихъ кормили одной перловой кашей, безъ масла, рабочіе называютъ ее «дубовой». На почвѣ плохого питанія за мѣсяцъ уѣхало со строительства до 7 тыс. рабочихъ. Самъ я масло и яйца покупаю на рынкѣ для столовой, наживаю на этомъ процентовъ 200, но всетаки столовыя придется закрыть за недостаткомъ продуктовъ».

(«Раб. Газета», 17 сентября).

Въ Донбассѣ

Несмотря на всѣ усилія повысить производительность шахтъ Донецкаго бассейна выработка угля продолжаетъ снижаться. **14 сентября шахтами Донбасса выполнено было всего лишь 55 % суточнаго заданія.** За первую декаду сентября мѣсячный планъ выполненъ лишь на 20,8 %. Нехватка рабочей силы — главная причина паденія добычи угля.

10 сентября въ Донбассѣ работало 181 тыс. рабочихъ, вмѣсто 231 тыс. необходимыхъ по плану. Себѣстоимость тонны угля за августъ по Донбассу составила 11 руб. 11 коп. вмѣсто 8 руб. 79 коп. планового заданія. Трестъ Сталинуголь умудрился довести себѣстоимость тонны угля до 14 руб. 40 коп.

(«За Индустріал.», 17 сентября).

Вѣсти отовсюду

— Вслѣдъ за коммунистами, и расисты потребовали роспуска берлинскаго муниципальнаго совѣта и назначенія новыхъ выборовъ. Въ видѣ протеста противъ отклоненія этого требованія, гитлеровская фракція покинула залъ.

— У береговъ Шотландіи пошелъ ко дну пароходъ «Чемпіонъ». Экипажъ удалось спасти.

— По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, новый рейхстагъ насчитываетъ 39 женщинъ.

— Забастовка строительныхъ и транспортныхъ рабочихъ въ Барселонѣ ликвидирована.

— Въ Лиссабонѣ открылся антропологическій съѣздъ. Въ числѣ французскихъ делегатовъ находится Луи Марэнъ.

— Въ венгерской монархической партіи назрѣваетъ серьезный расколъ въ связи съ треніями, возникшими между аристократической и такъ наз. гражданской группами. Аристократы угрожаютъ выйти изъ партіи и образовать отдѣльное объединеніе.

— Въ Берлинѣ отданъ приказъ объ арестѣ извѣстнаго коммуниста Макса Гельца, раненаго недавно въ стычкѣ съ расистами.

...вахъ документовъ, по которымъ можно было бы возстановить городъ Вильямсбургъ въ штатѣ Виргинія. Въ этомъ городѣ находилась главная квартира Лафайетта во время войны за независимость.

Въ бесѣдѣ съ сотрудниками газетъ Дэусонъ сказалъ:

— Мы хотимъ реставрировать Вильямсбургъ точно въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ 150 лѣтъ тому назадъ. Въ городѣ сохранилось только нѣсколько

Завѣщаніе Конанъ Дойля

Лондонъ, 20 сентября.

Въ присутствіи вдовы и родственниковъ покойнаго писателя состоялось вскрытіе духовнаго завѣщанія Конанъ Дойля. Изъ наличнаго капитала въ 30 тысячъ ф. ст. вдова получаетъ 500 ф. Вся остальная сумма распредѣлена покойнымъ между друзьями, родственниками и спиритическими обществами. Недвижимое имущество по волѣ покойнаго должно быть продано. Половина вырученной суммы пойдетъ вдовѣ, другая — дѣлится поровну между дѣтьми, причемъ доходы съ этихъ капиталовъ должны поступать въ распоряженіе лэди Конанъ Дойль пока каждый изъ дѣтей не достигнетъ 25-лѣтняго возраста.

Своему секретарю Альфреду Вуду Конанъ Дойль оставилъ 500 ф. ст. пожизненной ренты.

Безплатныя консультаціи

ПО ВОПРОСАМЪ КАРТЪ Д-ИДАНТИТЭ, ПАСПОРТОВЪ, ВИЗЪ И Т. П.

Въ понедѣльникъ 22 сентября въ 6 час. вечера въ помѣщеніи «Послѣднихъ Новостей» (51, рю Тюрбиго) состоится консультація по вопросамъ картъ д-идантитэ, паспортовъ, визъ и т. п.

— Возобновленіе французской парламентской сессіи назначено на 4 ноября.

...имѣются фамиліи 10 солдатъ, тѣла которыхъ недавно найдены.

Но графъ Лонгвилль, зять маркиза Рошамбо, предоставилъ въ мое распоряженіе документъ исключительнаго значенія. Онъ нашелъ его въ замкѣ Рошамбо, въ департаментѣ Луары и Шера. Въ этомъ документѣ — 34 листа. На 32 листахъ начерчены планы Вильямсбурга, изготовленные для генерала Рошамбо. По этимъ планамъ можно во всѣхъ подробностяхъ реставрировать историческій городъ.

Я хотѣлъ бы теперь, чтобы семьи французскихъ солдатъ, погибшихъ во время войны за независимость, порылись въ своихъ домашнихъ архивахъ. Иногда простое письмо можетъ оказаться для насъ незамѣнимымъ.

Возстановленіе Вильямсбурга, помимо интереса художественнаго, — въ Америкѣ почти не сохранилось городовъ и построекъ этой эпохи, — имѣетъ и огромное историческое значеніе. Именно здѣсь ген. Корнуэльсъ вручилъ свою шпагу Вашингтону, Рошамбо и Лафайетту 19 октября 1781 г.

ОГПУ

Разоблаченія чекиста Агабекова

Съ понедѣльника 22 сентября «Посл. Нов.» приступаютъ къ печатанію отрывковъ изъ книги Г. Агабекова: «Г.П.У., Записки чекиста».

Авторъ книги провелъ на службѣ въ Чека и ГПУ 10 лѣтъ. Въ теченіе послѣднихъ полутора лѣтъ занималъ постъ начальника восточнаго сектора въ иностранномъ отдѣлѣ ГПУ, а въ октябрѣ прошлаго года былъ назначенъ нелегальнымъ резидентомъ ГПУ на Ближнемъ Востокѣ.

Г. Агабековъ разоблачаетъ тайную дѣятельность ГПУ въ странахъ Ближняго Востока, вскрываетъ методы чекистской работы заграницей и сообщаетъ подробныя свѣдѣнія о тайной агентурѣ ГПУ.

Краткіе разсказы

Въ престольный праздникъ барчукъ верхомъ поѣхалъ на деревню.

Дѣвушка, въ которую онъ былъ тогда такъ романтически влюбленъ, вышла на крыльцо смущенная, радостно улыбнулась:

— Здравствуйте. Что жъ давно не были? Вы вонъ когда еще были: тогда у насъ сучка щенилась, а теперь ужъ щенята здоровые выросли...

* *

На охотничьемъ ночлегѣ, съ папиросой на порогѣ избы, послѣ ужина. Тихо, темно, на деревнѣ поютъ пѣтухи. Выглянула изъ окошечка сидѣвшая подъ нимъ, въ темной избѣ, хозяйка, послушала, помолчала. Потомъ негромко, подавляя пріятный зѣвокъ:

— Что жъ это вы, баринъ, не спите? Ишь, ужъ не рано, пѣтухи опѣваютъ ночь...

* *

Полдневный жаръ, ослѣпительный блескъ неподвижнаго желтаго пруда и его желтыхъ глинистыхъ береговъ. Пригнали стадо на обѣденный отдыхъ — коровы залѣзли въ охвостье пруда, стоятъ въ водѣ по брюхо. Рядомъ радостный визгъ, крикъ, хохотъ — раздѣваются и бросаются въ воду дѣвки. Одна черезъ голову сорвала съ себя сѣрую замашную рубаху и кинулась такъ дико, что я тотчасъ вспомнилъ Нилъ, Нубію. Черноволоса и очень смугла тѣломъ. Груди какъ двѣ темныхъ тугихъ груши.

* *

Поле и лѣтнее утро, дружно несетъ тройка. А вдоль шоссе, навстрѣчу, — странникъ: безъ шапки, босой и такой легконогій, какъ будто на крыльяхъ. Поровнялся, мелькнулъ и пропалъ. Худъ и старчески сухъ, лѣтъ длинными выгорѣвшими на солнцѣ волосами. Но какъ легокъ, какъ моложавъ! Какой живой, быстрый взглядъ! И сколько у него впереди этихъ бѣлыхъ шоссейныхъ дорогъ!

«Богъ бродягу не старитъ».

* *

Одно изъ самыхъ поэтическихъ воспоминаній молодости: Муравскій шляхъ. Лѣтній вечеръ, ямщицкая тройка, безконечный, пустынный большакъ... Много пустынныхъ дорогъ и полей на Руси, но такого безлюдья, такой тишины не запомню. И ямщикъ сказалъ:

— Это, господинъ, Муравскій шляхъ называется. Тутъ на насъ въ старину несмѣтные татары шли. Шли какъ муравьи, день и ночь, день и ночь и все не могли пройти...

Я спросилъ:

— А давно это было?

— И не запомнитъ никто, — отвѣтилъ онъ. — Большія тысячи лѣтъ тому назадъ...

* *

— Яковъ Демидычъ, для чего ты на свѣтѣ живешь?

— Какъ для чего? Вотъ вашъ садъ караулю.

— Да нѣтъ, я не про то. Для чего ты на свѣтъ родился, для чего на землѣ существуешь?

— А Господь его знаетъ.

— Значитъ, не знаешь?

— А кто-жъ это знаетъ?

— Да вѣдь надо знать. Надо думать, додумываться.

— Я и думаю.

— Ну, и что-жъ ты надумалъ?

— Надумалъ-то? По совѣсти сказать, не знаю.

— А можетъ, ты живешь только для того, чтобы ѣсть, пить, спать, потомство плодить, жить въ свое удовольствіе?

— Нѣтъ, это я бы заскучалъ.

— Значитъ, ты живешь не для этого? Но тогда для чего-же?

— А чтобъ радость была.

— Радость! А это развѣ не радость — сладко ѣсть, сладко пить, съ женой красивой спать, богатымъ и почетнымъ быть?

— Это сама собой.

— Значитъ, не въ этомъ въ одномъ дѣло?

— Стало быть что нѣтъ.

— А въ чемъ-же?

Думаетъ. Потомъ смѣется:

— Въ чемъ да въ чемъ! Мы вотъ такъ-то возили разъ съ покойникомъ родителемъ хлѣбъ съ поля, а я и пристань къ нему, — что, да какъ, да зачѣмъ, — я тогда еще совсѣмъ коростевый былъ, — а онъ молчалъ, молчалъ да и говоритъ наконецъ: «Вотъ какъ пущу тебѣ, малый, по ушамъ кнутомъ, тогда узнаешь, зачѣмъ!»

* *

Ѣдемъ съ Илюшкой въ городъ.

Жаркій вѣтеръ рабочей поры, бьющій сушью и зноемъ въ лицо, узкій проселокъ въ зрѣющихъ хлѣбахъ — ничего вокругъ, кромѣ ихъ желтаго моря да томнаго, сѣро-синяго неба...

И все въ томномъ полуснѣ, въ дрожномъ волненьи, все мотается, клонится, бѣжитъ: и колеса бѣгутъ, и лошадь бѣжитъ, и хлѣба вмѣстѣ съ птицами льются, стелются навстрѣчу... Одинъ кобчикъ повисъ въ воздухѣ, точно въ мертвую точку попалъ: зорко смотритъ внизъ и мелко-мелко, быстро-быстро дрожитъ на одномъ мѣстѣ острыми крылушками...

Ѣдемъ на бѣгункахъ. Я впереди, правлю, Илюшка сзади. Оба сидимъ верхомъ, только у меня ноги поставлены на переднюю ось, а у него откинуты на заднюю, такъ что онъ уперся руками въ сидѣнье и говоритъ и хохочетъ мнѣ прямо въ затылокъ.

Онъ, какъ всегда, въ отличномъ расположеніи духа. Съ утра до обѣдовъ былъ на косьбѣ, косилъ бодрѣй всѣхъ и ничуть не усталъ. «Вы думаете, я въ солдатахъ разучился — нѣтъ, еще ловчѣй сталъ!» Только косилъ безъ картуза, не обращая никакого вниманья на солнце, и потому, когда вернулись къ обѣдамъ въ усадьбу, у него пошла носомъ кровь, и онъ долго унималъ ее, умываясь возлѣ водовозки. Рядомъ съ нимъ стоялъ Мотька, малый очень глупый и простодушный. Мотька поливалъ ему изъ корца, потомъ сказалъ:

— Ну, теперь полей мнѣ, я тоже маленько умоюсь.

Илюшка весело выпучилъ на него мокрые глаза, захохоталъ и отвѣтилъ:

— Дуракъ, ай я тебѣ прачка?

Теперь онъ опять то и дѣло смѣется, отъ нечего дѣлать болтая, наслаждаясь ѣздой, полемъ, бѣгущимъ волненьемъ хлѣбовъ, жаркимъ вѣтромъ, мягко бьющимъ въ лицо и порой обвѣвающимъ такъ знойно, точно гдѣ-то пылаетъ безмѣрный костеръ. Онъ съ восхищеніемъ разсказываетъ, какъ онъ въ Кіевѣ, гдѣ отбывалъ воинскую повинность, ходилъ въ публичный домъ:

— Вотъ тамъ дѣвки! — говоритъ онъ. — Это не нашимъ чета! Развѣ наша умѣетъ такъ-то обойтиться! А хозяйка толстая, съ усами... И всю ночь плясъ, танцы, пиво...

Потомъ — и все съ той же легкостью — разсказываетъ то, что я уже знаю: какъ онъ застрѣлилъ одного изъ арестантовъ, которыхъ имъ, солдатамъ, пришлось однажды вести съ вокзала въ пересыльную тюрьму: арестантъ этотъ хотѣлъ убѣжать.

— И тебѣ не грѣхъ? — спрашиваю я.

— Какой же мнѣ грѣхъ? Если бы онъ убѣжалъ, мнѣ за него пришлось бы цѣлый годъ просидѣть.

— Да лучше ужъ годъ просидѣть.

Онъ смѣется:

— Ну, нѣтъ, я ихъ лучше двадцать положу!

— А какъ же въ заповѣдяхъ сказано, что нельзя убивать?

— А какъ же въ присягѣ читаютъ, что обязательно надо?

Потомъ онъ меня разспрашиваетъ, за что вѣшаютъ «политиковъ» и сколько получаетъ «съ головы» палачъ.

— Правда, что этому палачу сто цѣлковыхъ съ головы даютъ?

И безъ малѣйшаго хвастовства, совершенно простосердечно сознается, что за сто цѣлковыхъ могъ бы и самъ кого угодно удавить:

— Да чего жъ? Ну, другіе тамъ покойниковъ боятся, а я этого никогда не зналъ: какъ это онъ можетъ съ того свѣта придти? Я только со своей деревни не сталъ бы давить. Своего, понятно, жалко...

Бѣжитъ, волнуется горячій воздухъ, бѣгутъ колеса, лошадь, льются желтыми волнами овсы и ржи, дрожитъ въ небѣ кобчикъ...

* *

На пароходѣ, на пути изъ Палестины въ Одессу.

Среди палубныхъ пассажировъ — множество русскихъ мужиковъ и бабъ, совершившихъ паломничество въ Іерусалимъ и на Іорданъ, и, какъ всегда, въ числѣ ихъ не мало тяжко больныхъ «животомъ». Одну старушку схватило еще въ Яффѣ. Жестокая холерина, всѣ ждутъ — вотъ-вотъ умретъ. Однако, она твердо рѣшила умереть только въ Одессѣ: ей было лѣтъ восемьдесятъ, мала и слаба была она какъ ребенокъ, смерти ждала даже съ радостью: шутка-ли — сподобиться умереть тотчасъ послѣ такого святого подвига! Но вотъ узнала, что будетъ брошена въ море, если умретъ въ пути, — и рѣшительно отказалась умирать до прибытія въ Одессу. Такъ всѣмъ и сказала:

— Нѣтъ, подожду до Одессы.

И такъ и сдѣлала: перекрестясь, скончалась только тогда, когда услыхала, что входимъ уже въ одесскій портъ...

Въ самомъ дѣлѣ, это все не выдумки, то удивительное самообладаніе, благочестіе, съ которымъ умирали когда-то русскіе мужики и бабы, то спокойствіе, съ которымъ они дѣлали на смертномъ одрѣ свои послѣднія распоряженія, высказывали увѣренность въ жизнь будущую. Только не напрасно-ли приписывали такія смерти какимъ-то особеннымъ свойствамъ русской души? Вотъ умираетъ тоже крестьянка и тоже чуть не столѣтняя, но во французской деревнѣ, въ Провансѣ. Очевидецъ разсказываетъ:

— Elle était si calme et tranquille que je lui dis en toute simplicité :

— Vous irez au Paradis, ma bonne Julienne.

— Pardi, me répondit-elle, où voulez-vous que j'aille ?

*

Вечеръ на постояломъ дворѣ, страшные разсказы на нарахъ:

— Въѣхали они въ этотъ лѣсъ, ночь ихъ обуяла темная, лѣсъ черный... Доѣзжаютъ до дуба косматаго, а подъ нимъ жаръ-птичье перо лежитъ, огнемъ переливается...

— Нѣтъ, это что — перо! — говоритъ другой, — А вотъ жилъ такъ-то кузнецъ на глухомъ столбовомъ пути и принесись къ нему разъ ночью тройка ярская... Лошади всѣ въ мылѣ, храпятъ, какъ львы, глаза

пускало
слыхали
Развѣ
несбыто
Развѣ
лась по
Развѣ
нились
ви, что
Развѣ
И раз

Че

Ницц
Вчера
надъ де
съ одеж
слѣдующ
— По
ренсъ, р
Поли

ярые, н
тятся...
«куй кор
спибъ!»
струмент
а нога-то
Блаже
жилъ 12
мама. Ск
— Въ
шой пес
Купец
меръ. И
брѣтател
Блаже
всего си
вѣщалъ
желтомъ
выхъ въ
стомъ, а
Діоми
Брянски
деревьях
стымъ во
Елецка
оказалъ
колъ, за
зала:
— Ду
Это назы
такъ-то
надо!
Евасни
лихо кри
— Во
сокъ! Во
Высокі
на затыл
бѣлымъ х
бпаетъ и
ву назадъ

пускало глубочайшіе корни, и давало неслыханные плоды!

Развѣ немедленный соціализмъ оказался несбыточнымъ?

Развѣ міровая революція не оправдалась полностью?

Развѣ пролетаріи всѣхъ странъ не соединились вмѣстѣ, и притомъ до такой степени, что ихъ уже разъединить нельзя?

Развѣ самъ Ленинъ не умеръ?

И развѣ идеи его не живы?

И самой сытой?!

Развѣ не разоружилась до зубовъ?

И не улеглась на солнышкѣ? чтобъ побесѣдовать о жизни Ильича, или повторить грамматику?!..

Какъ же, послѣ всего этого, развращать ее утопіями, соблазнять ее фантазіями, отдавать на съѣденіе господину Верну, который и самъ сознается, что онъ Жюль?!

Донъ-Аминадо.

Человѣкъ, потерявшій память

Ницца, 20 сентября.

Вчера на берегу моря, противъ Промемадъ дезъ-Англэ, былъ найденъ свертокъ съ одеждой. Въ карманѣ пиджака лежала слѣдующая записка:

— Потеря памяти, помогите мнѣ. Лоуренсъ, рю Верди.

Полиція установила, что одежда принадлежитъ англійскому художнику, Джону Лоуренсу. Жена его сообщила, что Лоуренсъ въ четвергъ вышелъ изъ дому въ табачное бюро и съ тѣхъ поръ не возвращался. Художникъ съ давнихъ поръ страдаетъ потерей памяти. Полиція предполагаетъ, что во время нервнаго припадка онъ бросился въ море.

Въ Россіи

На улицахъ Гомеля. Китаецъ съ обезьянкой.

разсказывалъ подано и на страницахъ газеты «Возрожденіе» въ фельетонахъ: «Послѣдній рейсъ». Второй разсказъ разнился отъ перваго и вызывалъ у читателя недоумѣнные вопросы... по адресу самого же Алексѣева.

Г. Симинскій письмомъ въ редакцію «Общаго Дѣла» сообщаетъ, что онъ привлекаетъ г. Алексѣева къ суду.

Въ чемъ полк. Симинскій обвиняетъ г. Алексѣева.

Г. Симинскій обвиняетъ сотрудника «Возрожденія» не только въ клеветѣ, но въ дѣяніяхъ много худшихъ. Извлекаемъ изъ его опроверженія слѣдующія мѣста въ ожиданіи, что отвѣтитъ на нихъ г. Алексѣевъ:

1. Вѣрно то, что я былъ арестованъ въ Батумѣ грузинской контръ-развѣдкой, по указанію Н. Н. Алексѣева, — и не вѣрно то, что я былъ задержанъ съ важными документами у дверей совѣтскаго консульства. Всѣ имѣвшіеся при мнѣ на пароходѣ «Возрожденіе» документы, деньги и иностранная валюта (лично моя и казенная) **были похищены у меня Алексѣевымъ еще на пароходѣ, — и имъ-же, конечно, были переданы въ грузинскую контръ-развѣдку** (ротмистръ князь Цыціановъ). Какіе именно документы имъ были переданы въ грузинскую контръ-развѣдку, а позднѣе отправлены въ штабъ Главнокомандующаго, мнѣ неизвѣстно. Дѣйствительно ли тѣ, которые были похищены у меня, или спеціально «сфабрикованы». Это выяснитъ судебное разбирательство.

На пароходѣ «Возрожденіе».

Грузинской контръ-развѣдкой я сданъ былъ Алексѣеву для доставленія меня въ Крымъ, но объ этомъ мнѣ сообщено не было. Узналъ я о своей участи уже на пароходѣ, когда я категорически потребовалъ отъ него выясненія всей исторіи съ кражей моихъ документовъ и денегъ, съ провокаціей ареста и вывоза меня въ Крымъ на пароходѣ.

Во время объясненія Алексѣевъ показалъ мнѣ секретное предписаніе Особаго Отдѣла Управленія Главнаго Командованія за подписью полк. Архангельскаго и заявилъ мнѣ, что меня рѣшено «вывести въ расходъ».

арестованы всѣ мужчины. Это сообщили мнѣ двѣ сестры милосердія названнаго Креста, которыя всѣми мѣрами и средствами старались помочь мнѣ выбраться изъ Крыма и спастись отъ разстрѣла. Вышеуказанное заявленіе въ особый отдѣлъ Чека могъ сдѣлать Алексѣевъ черезъ своего бывшаго приказчика Степанкова, немедленно по пріѣздѣ въ Феодосію на пароходѣ «Возрожденіе» получившаго отъ крымской тройки ВЧК назначеніе командиромъ феодосійскаго порта. Приказъ объ этомъ назначеніи былъ расклеенъ по всей Феодосіи за подписью тройки и Степанкова. Такъ какъ Степанковъ, Алексѣевъ и Харабъ были неразлучны на пароходѣ, то возможно, что они и получили соотвѣтствующее назначеніе у большевиковъ при помощи того же Степанкова».

Привлеченіе къ суду.

Неправда, что я велъ или веду какую-либо кампанію противъ Н. Н. Алексѣева. Я предпринималъ только оффиціальные шаги въ Штабѣ Главнокомандующаго, имѣющіе цѣлью выясненіе истины. Къ сожалѣнію, по причинамъ мнѣ неизвѣстнымъ, — Штабъ не отнесся къ данному вопросу съ должнымъ вниманіемъ и легкомысленно оставилъ его невыясненнымъ. Въ результатѣ мнѣ пришлось пережить въ Польшѣ много личнаго горя: три раза я былъ арестованъ польскими властями въ связи съ тяготѣвшими на мнѣ провокаторскими обвиненіями, неразъясненными Штабомъ Главнокомандующаго. Результатомъ всѣхъ арестовъ было установленіе факта, что всѣ обвиненія, возведенныя на меня, никакой почвы подъ собой не имѣютъ.

Къ сожалѣнію, до настоящаго времени я не могъ предъявить оффиціальнаго обвиненія кому-либо во всей моей исторіи, и только появленіе статей въ «Общемъ Дѣлѣ» и «Возрожденіи», а также мой послѣдній въ Польшѣ арестъ 21-22 августа с. г., вскрыли мнѣ всю картину сложной провокаціи.

Привлекая одновременно съ самъ виновныхъ къ судебной отвѣтственности, я надѣюсь, что французскимъ судомъ будетъ вскрыта вся фактическая сторона дѣла и обнаружены виновные».

отвѣчаетъ ему знаками, показывая одинъ палецъ — одинъ рубль.

„Картъ розъ"

Въ связи съ сообщеніемъ о томъ, что экзамены на право управленія автомобилемъ стали гораздо строже, сотрудникъ «Энтрансижанъ» бесѣдовалъ съ директоромъ отдѣла экзаменовъ, Стенбокъ - Ферморомъ. Этотъ послѣдній заявилъ:

— Нѣтъ никакихъ основаній для тревоги. Число провалившихся, правда, увеличилось, и выдерживаетъ экзамены не больше 50 процентовъ. Но это явленіе временное.

— Кто лучше держитъ экзамены — мужчины или женщины? — спросилъ журналистъ.

— Женщины проваливаются рѣже, Онѣ являются на экзаменъ, только когда увѣрены въ себѣ. За рулемъ — у нихъ больше выдержки, онѣ меньше нервничаютъ, меньше теряются. Вообще, у женщинъ - шофферовъ гораздо рѣже бываютъ несчастные случаи, чѣмъ у мужчинъ. Есть много женщинъ, управляющихъ грузовиками. Случаи лишенія женщинъ «картъ розъ» — очень рѣдки.

Среди мужчинъ — хуже всего держатъ экзамены лица интеллигентныхъ профессій. Имъ шофферское искусство дается не легко. Особенно, врачамъ. Они теряютъ самообладаніе, а безъ него нельзя управлять автомобилемъ. Въ извѣстномъ возрастѣ учиться управленію автомобилемъ, конечно, также довольно трудно.

Женитьба принца Луи-Фердинанда

Жениху — 41 годъ, невѣстѣ — 73 года

Лондонъ, 20 сентября.

Вчера въ бюро для регистраціи Вестъ-Энда зарегистрированъ бракъ принца Луи-Фердинанда, испанскаго инфанта и кузена короля Альфонса XIII, съ принцессой Маріей де Брой. Жениху — 41 годъ, принцессѣ исполнилось уже 73 года.

Проектъ этого брака вызвалъ противодѣйствіе во Франціи, въ Италіи и въ Испаніи. Во Франціи родственники принцессы де Брой обратились въ судъ, требуя назначенія надъ ней опеки. Семейный совѣтъ запретилъ ей выходить замужъ. Судъ отмѣнилъ постановленіе семейнаго совѣта, но назначилъ временную опеку надъ имуществомъ де Брой до освидѣтельствованія ея умственныхъ способностей. Въ Италіи этотъ бракъ не могъ состояться вслѣдствіе вмѣшательства испанскаго короля. Женихъ и невѣста должны были отправиться въ Англію.

Вся церемонія продолжалась не болѣе 10 минутъ. Принцъ Луи-Фердинандъ и принцесса де Брой пріѣхали въ Лондонъ дней 8 тому назадъ. Въ бюро для регистраціи они явились каждый въ отдѣльности, со своими свидѣтелями. Вечеромъ «молодые» выѣхали въ Швейцарію.

Дѣло Кювелье

Берлинъ, 20 сентября.

Защитникъ французскаго спортсмена Кювелье, дважды невинно осужденнаго судьями-расистами, довелъ до свѣдѣнія суда, что Кювелье отказывается отъ подачи кассаціонной жалобы.

АВТОМОБИЛЬНЫЙ САЛОНЪ

2 октября въ Гранъ-Палэ открывается ежегодный Автомобильный Салонъ.

ярые, ноздри раскалились, насквозь свѣтятся... Соскочилъ молодецъ ямщикъ — «куй коренного скорѣй, заднія подковы сшибъ!» Раздулъ кузнецъ мѣхъ, разжегъ струментъ, хвать этого коренного за ногу, а нога-то человѣчья, голая, бѣлая...

**

Блаженный Антонушка воронежскій жилъ 120 лѣтъ. Всѣхъ женщинъ называлъ: мама. Сказалъ однажды одному купцу:

— Въ сѣнцахъ у тебя, кормилецъ, большой пестрый гробъ стоитъ.

Купецъ въ тотъ-же день отъ страху померъ. И впрямь — какая убійственная изобрѣтательность: пестрый!

Блаженный Данилушка томскій чаще всего сидѣлъ на городскихъ крышахъ. Завѣщалъ похоронить себя въ шелковомъ желтомъ халатѣ — какъ хоронили юродивыхъ въ древности — и въ гробу не простомъ, а долбленомъ, въ колодѣ.

Діомидъ орловскій 80 лѣтъ скитался по Брянскимъ лѣснымъ дебрямъ, ночевалъ на деревьяхъ, былъ нагъ и весь покрытъ густымъ волосомъ.

Елецкая юродка Феня, когда я однажды сказалъ при ней: московскій Царь-Колоколъ, замахнулась на меня палкой и закричала:

— Дуракъ, кто-жъ такъ-то говоритъ? Это называется Ревунъ, его всѣ святые такъ-то называли, его, батюшку, бояться надо!

**

Квасникъ, лысый, красный, тугопузый, лихо кричитъ теноромъ на всю ярмарку:

— Вотъ квасокъ, попырхиваетъ въ носокъ! Вотъ кипитъ, да некому пить!

Высокій русый мужикъ въ теплой шапкѣ на затылокъ идетъ въ толпѣ съ огромнымъ бѣлымъ хлѣбомъ подмышкой и на ходу набиваетъ имъ ротъ, жуетъ, откидывая голову назадъ, раздувая ноздри:

— А почемъ этотъ квасокъ?

— Орелъ вся бутылка, семитка стаканъ!

— А на грошъ не отольешь?

— На грошъ, милый, и воробей не мочится!

Мужикъ жуетъ, думаетъ. Потомъ со вздохомъ, но твердо:

— Нѣтъ, на семитку не взойду. Капиталъ не дозволяетъ.

Гуськомъ, держась другъ за друга, поднявъ незрячія лица, идутъ мимо слѣпцы, дерутъ на всѣ лады:

А мы видѣли
Диву дивную,
Диву дивную,
Тѣлу мертвую...

Ковыляетъ дурачокъ Ваня, сѣдой, стриженный клоками, въ одной бабьей рубахѣ, съ сумой черезъ плечо.

— Ваня, здорово! Какъ поживаешь?

Косноязычно и слюняво, поспѣшно и умиленно:

— Съ большими слезами, папаша! Съ большими слезами, папаша!

Знакомый старикъ идетъ навстрѣчу въ совершенно необычномъ видѣ: въ очкахъ и съ красными, полными слезъ глазами.

— Макаръ, что это съ тобою?

— Да вотъ очки купилъ сейчасъ, а то просто бѣда, все газ ты про войну читаю, совсѣмъ слѣпой сталъ.

— Да ты съ ума сошелъ, ты еще хуже ослѣпнешь, вѣдь они тебѣ совсѣмъ не по глазамъ.

— Кто, баринъ? Очки-то? Ничего, они оглядятся.

**

Нищая дѣвка, сирота, безобразно-миловидная, очень тихая, почти дурочка. Взяли на барскій дворъ, даютъ самую грязную и трудную работу — надрывается безпрекословно, молча, всячески стараясь угодить. Староста, то есть старшой на дворнѣ, отставной солдатъ-гренадеръ, быстро лишилъ ее невинности — покорилась послѣ отчаяннаго, но жалкаго, дѣтскаго сопротивленія. Черезъ мѣсяцъ забеременѣла, всѣ все узнали. Старостиха подняла адъ, барыня дѣвку поспѣшила уволить. Обливаясь слезами, дѣвка кое-какъ посовала свое добришко въ мѣшокъ, побѣжала со двора долой. Старостиха, стоя на порогѣ людской, дико ликовала: визжала, свистала, травила ее собаками, била костью въ мѣдный тазъ, кричала разными голосами:

— Сука! Побирушка! Междворка! Людоѣдка! Волшебница!

**

На дворнѣ и на деревнѣ долго не вѣрили, будто идетъ какая-то комета: «Это только въ старину онѣ бывали!» Наконецъ, однажды ночью уже довольно ярко засеребрился ея прозрачный хвостъ, косо вскинутый въ сѣверный небосклонъ, за каретнымъ сараемъ. Господа стояли на крыльцѣ и смотрѣли. Смотрѣли и съ порога людской, даже крестились. А на утро староста залѣзъ на крышу господскаго дома и сталъ забивать доской слуховое окно. Услыхавъ стукъ, вышли изъ дому:

— Федоръ! Что это ты дѣлаешь?

— Окно слуховое забиваю.

— Зачѣмъ?

— Отъ кометы.

**

Подошла къ воротамъ усадьбы старуха побирушка. Старушечьи лохмотья, старушечьи прямые чулки на сухихъ ногахъ, замученные глаза...

Далъ ей полтинникъ, попробовалъ разговориться:

— Ну вотъ ты, бабушка, вездѣ ходишь, вездѣ бываешь, — небось, много интереснаго видишь?

Горько заплакала:

— Да что жъ подѣлаешь, батюшка, конечно, видимъ!

**

«Еще пишу Вамъ — обо мнѣ не скучайте, въ вагонахъ было тепло даже раздѣтому. Отъ самаго Минску снѣга нѣтъ совсѣмъ, мѣста все ржавыя, кругомъ болота, вода. Теперь ожидаетъ меня что-то небывалое. Прощайте, всѣ мои родные и знакомые, навѣрно, больше не увидимся. Прощайте, дорогіе, писать некогда да и дождь, а изъ глазъ моихъ слезы. Какъ начали сыпать изъ винтовокъ и снарядами, только пыль столбомъ. Двое рядомъ со мной рыли окопъ и къ нимъ прилетѣлъ снарядъ, ихъ двоихъ тогда убило, одинъ новобранецъ чужой, а другой Ваня нашъ, онъ погибъ во славу русскаго оружія...»

**

— Нашъ попъ — какой онъ попъ? Онъ дуракъ, невѣжа. Мою дѣвку хоронилъ — спѣшитъ, суетъ какъ попало... гробъ не даетъ поставить въ могилу какъ надо. Можно развѣ такъ хоронить? Это не скотина. «Вотъ съѣзжу, говорю, въ Орелъ, ваше священство, схожу въ консисторію, тогда узнаете, какъ надо хоронить: намнутъ вамъ за это холку очень прекрасно!» — «Не смѣй, кричитъ, говорить со мной такъ вольно!» — «Ну нѣтъ, молъ, бати, и тише! Теперь, говорю, это время прошло! Вотъ дай съ войной управимся, мы вамъ вашу газету «Копѣйку» припомнимъ! Узнаете тогда что побѣднаго конца»!

**

Подъ Москвой. Дачный поѣздъ. «Молнія», весь изъ вагоновъ только перваго и второго класса. Идетъ шибко, ровно, но вдругъ замедляетъ ходъ — и въ одномъ вагонѣ происходитъ нѣчто небывалое: дверь распахивается и кондукторъ вталкиваетъ въ нее какого-то рванаго, измазаннаго глиной мужичишку:

— Ради Бога, простите, господа, — рабочій съ пути, посылается съ срочнымъ порученіемъ въ Быково, не успѣлъ, дуракъ, на паровозъ вскочить... Только до Быкова...

Всѣ на мгновеніе даже теряются отъ такой нелѣпости, но быстро овладѣваютъ собой, сдерживаются. Поѣздъ опять идетъ полнымъ ходомъ и въ вагонѣ опять все какъ будто по прежнему: опять курятъ, бесѣдуютъ, смотрятъ въ окна... Однако, всѣмъ неловко, всѣмъ не по себѣ — бесѣдуютъ уже притворно, курятъ съ преувеличенной беззаботностью... А про него и говорить нечего: онъ стоитъ возлѣ двери, готовый провалиться сквозь землю отъ всѣхъ этихъ панамъ, чесучевыхъ костюмовъ, большихъ, полныхъ тѣлъ, сытыхъ лицъ. Онъ не знаетъ, куда глаза дѣвать, рукавомъ вытираетъ потный лобъ, держа въ лѣвой рукѣ тяжело висящую до пола сумку съ какими-то чугунными брусками, гайками, клещами... И длится эта чепуха, эта мука цѣлыхъ тридцать пять минутъ.

**

По Смоленской дорогѣ. Длинный коридоръ и раскрытыя отдѣленья первоклассного вагона. Блескъ орѣховаго дерева и краснаго бархата въ полномъ несоотвѣтствіи съ больнично-солдатскимъ людомъ, наполняющимъ вагонъ: рогульки костылей подъ торчащими плечами, сѣрые халаты, забинтованныя головы, толстыя бѣлыя культышки закутанныхъ ступней, выставленныхъ впередъ... Курятъ турецкій табакъ, ѣдятъ конфеты, прилично бесѣдуютъ, наслаждаясь своимъ необычнымъ положеніемъ...

Она съ улыбкой:

— Ну, какъ, Меркуловъ?

Солдатъ, вѣжливо приподнимаясь на костыляхъ, на вѣсу держа впередъ культышку:

— Да что-жъ, сестрица, терпѣть надо... Всякій долженъ свою жертву принесть... Благодаримъ васъ...

Она заговариваетъ то съ тѣмъ, то съ другимъ, потомъ стоитъ у окна въ коридорѣ. Вагонъ мягко пружинитъ, летитъ. Она смотритъ на мелькающіе за окномъ темные рукава елей, на стволы, идущіе кругами въ глубинѣ лѣса, что-то чуть-чуть напѣваетъ. Бѣлая косыночка, мягкая кожаная куртка, легкая юбка изъ сѣраго тика, особенно дающая чувствовать тяжесть зада... Тихо и грѣховно сіяютъ иконописные черные глаза...

**

Въ Ельцѣ, по пути на вокзалъ. Извозчикъ мчитъ во весь духъ, съ горы и на мостъ, черезъ рѣчку. Подъ мостомъ, на береговой отмели, отвернувшись отъ проѣзжихъ подъ навѣсъ моста и какъ-бы для защиты поднявъ плечи, стоитъ босякъ, спѣшно, какъ собака, пожираетъ изъ грязной тряпки что-то вродѣ начинки. А позади грохочутъ, летятъ, точно нагоняютъ, ломовыя телѣги, трясутся вся съ грядокъ, страшные сапоги мужиковъ. Всѣ въ мукѣ, — мукомолы, — всѣ великаны и всѣ рыжіе, безъ шапокъ, въ красныхъ рубахахъ распояской...

А потомъ вагонъ, второй классъ. И какой-то сидящій противъ меня господинъ лѣтъ за сорокъ, широкій и стриженный бобрикомъ, въ золотыхъ очкахъ на плоскомъ носу съ наглыми ноздрями, все встаетъ и, не глядя на меня, отъ пренебреженія ко мнѣ, все поправляетъ на сѣткѣ свои хорошіе, въ крѣпкихъ чехлахъ чемоданы и чемоданчики. Аккуратный и увѣренный въ себѣ господинъ, спокойный за свое благополучіе и строгое достоинство...

Шла, однако, уже осень шестнадцатаго года.

Ив. Бунинъ.

1930 г.